

Б.Д. Цыбенков

DOI: 10.25693/SVGV.2022.39.2.007

УДК 39(571.54/.55)

Этнокультурное взаимодействие дауров с другими народами (по данным фольклора и этнографии)*

Научная новизна. В статье рассмотрены малоизученные вопросы этнокультурного взаимодействия дауров с аборигенным и пришлым населением Приамурья и сопредельных территорий.

Целью работы является сравнительно-сопоставительное изучение фольклорных и этнографических данных, прямо или косвенно указывающих на былые контакты дауров с соседними и проживающими на отдаленном расстоянии народами. Для решения цели были поставлены следующие *задачи*: 1) изучить фольклорные и этнографические материалы, в некоторой степени дополняющие гипотезу о возможности межэтнических контактов якутов и дауров; 2) выявить сходные сюжеты в «Сокровенном сказании монголов» и даурском фольклоре, проанализировать фольклорные и этнографические данные, указывающие на связи между даурами и монголами; 3) на фольклорных и других материалах проследить этнокультурные контакты дауров и эвенков; 4) выявить и изучить сведения о русских казаках-первопроходцах, сохранившиеся в мифологизированном виде в даурском фольклоре; 5) проследить даурско-бурятские фольклорные параллели, косвенно свидетельствующие о возможных контактах между народами.

Методы исследования. В статье нашли применение сравнительно-сопоставительный, текстологический, аналитический методы исследования.

*Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 20-09-00344 «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы». Номер госрегистрации (РосРИД): АААА-А20-120052290031-7.

Результаты. Рукопись анонимного автора под названием «Шапка-гора» (Амурская легенда), на наш взгляд, объединяет в единое целое якутские и даурские этногенетические сюжеты и распространенные термины и косвенно подтверждает вероятность этнокультурных контактов между народами. Фольклорные и этнографические материалы подтверждают наличие этнокультурных контактов между даурами, монголами и эвенками. Демонизация русских казаков-первопроходцев в даурском фольклоре связана с вооруженным даурско-русским противоборством в Приамурье в середине XVII в.

Ключевые слова: дауры, фольклор, этнокультурное взаимодействие, якуты, монголы, эвенки, русские, буряты

I. Введение. Дауры, проживающие ныне в северо-восточной части и Синьцзяне КНР и считающиеся более 130 тыс. чел., относятся к числу малоизученных народов. История и культура даурского народа, несмотря на свою актуальность, продолжают оставаться за завесой тайны. Тем не менее своеобразие языка и традиций дауров всегда привлекало внимание ученых, и большинство филологов и этнографов относили их к числу монголоязычных народов (например, как дунсян и баоань), в древности отколовшихся от общемонгольского ядра и развивавшихся самостоятельно. Как и любой другой народ, дауры развивались в непрерывном этнокультурном взаимодействии со средневековым населением Приамурья и сопредельных территорий. Именно непосредственное контактирование с различными по своей культуре и хозяйству народами определило самобытность традиционной культуры дауров.

Целью настоящей работы является изучение этнокультурного взаимодействия дауров с другими народами, во многом основанное на сравнительно-сопоставительном анализе фольклорных и этнографических материалов. К конкретным задачам исследования относятся следующие: 1) изучение фольклорных и этнографических материалов, указывающих на вероятность этнокультурных контактов между якутами и даурами; 2) анализ монгольских и даурских материалов, освещающих взаимосвязи между родственными народами; 3) выявление фольклорных и этнографических данных, свидетельствующих об этнокультурном взаимодействии дауров и эвенков; 4) изучение данных даурского фольклора о русских казаках-первопроходцах; 5) сравнение даурских и бурятских фольклорных материалов, указывающих на наличие вероятной связи между народами.

Теоретическая и практическая значимость работы очевидны. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы для продолжения исследований этнокультурного взаимодействия народов Северо-Восточной и Центральной Азии, выдвижения новых гипотез об этнокультурных контактах народов указанных регионов. Материалы статьи можно применить в разработке отдельных аспектов фольклора и этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, в подготовке к лекционным курсам по фольклору и этнографии народов Северо-Восточного Китая. В подготовке настоящей работы использованы авторские публикации (монография и статья), в которых рассмотрены отдельные аспекты китайского и маньчжурского этнокультурного влияния на традиционную культуру даурского народа [Цыбенков, 2012: 149–151, 165; Цыбенков 2020]. В статью включены также материалы бурятских специалистов, в частности, сведения этнографа Б.З. Нанзатова о включении потомков дауров в состав эвенкийского населения Восточного Забайкалья [Нанзатов, 2006: 135, 145–146]; журналиста Д.-Д. Болотова о существовании у дауров культа орла¹. В изучении вероятного даурско-якутского этнокультурного взаимодействия широко использованы современные публикации якутских исследователей Р.И. Бравиной и В.В. Ушницкого, в которых приводятся ценные факты об относительной территориальной близости якутов и дауров, взаимодействиях в области материальной культуры, межэтнических контактах между народами и вероятности заселения монгольским (в том числе и даурским) населением ряда якутских земель [Браваина, 2017: 48–59; Браваина, 2018: 121–130; Ушницкий, 2015: 40–41]. Данные якутских ученых дополнены сведениями Б.О. Долгих о проживании небольшой группы

¹Болотов Д.-Д. Дагуурнууд – хоккей наададаг таряшад [Дауры – земледельцы, играющие в хоккей] // Буряад Унэн [Правда Бурятии]. 12.04.2012. № 14 (21862). № 14 (777). С. 18.

дауров в районе р. Алдан в первой трети XVII в. [Долгих, 1958: 128]. В статье также использованы фактические данные из работы А.Р. Артемьева о походах русских казаков-первопроходцев в XVII в., в частности, о походе В.Д. Пояркова 1643 г. [Артемьев, 1998: 6–43]; сведения А.М. Певнова об этническом составе эвенков-солоньев [Певнов, 2020: 744–755]. Из работ зарубежных исследователей прежде всего следует отметить две коллективные монографии китайских ученых, одна из которых написана на старомонгольской письменности. В них проанализированы сюжеты, связанные с культом хозяев местности [Dawson, 2002: 1162], легенда о встрече войска Чингисхана с лесным народом – даурами [Morindabaeva, 1988: 19]. В публикациях западных исследователей К. Хэмпфри, К. Стюарта, Л. Сюэвэй, Шилера содержатся ценные сведения о почитании даурами различных божеств, традиционной обрядности [Humphrey, 1996; Stuart, 1994], нашедшие применение в работе; статья К. Этвуда содержит интересное упоминание о тесном межэтническом взаимодействии в Хулун-Буири [Atwood, 2004]. Серия статей, посвященных дауроведению, издана в 2021 г. в журнале «Studia Orientalia Slovaca». Из них в настоящей работе использованы статья гонконгского антрополога Л. Ким, в которой один из выводов касается влияния многоязычия современных дауров на их идентичность [Kim, 2021: 72–73], и совместная публикация У. Валленбок и В. Зигмундовой, посвященная историографии истории и культуры даурского народа и косвенно затрагивающая роль маньчжурского языка как средства коммуникации в цинский период [Wallenböck, 2021: 13]. Из этой серии статей нами также изучены работа венгерского антрополога Д. Сомфай Кара, анализирующая даурский вариант «Предания о Нишанской шаманке» [Somfai Kara, 2021], публикация чешской исследовательницы С. Зиехаус, где один из аспектов исследования затрагивает этноним «да(г)ур-монгол», наглядно указывающий на двойную идентичность дауров [Ziehaus, 2021: 136–137].

II. Материалы и методы. Основными материалами исследования явились даурские богатырские сказки «Ангар-мэргэн» и «Апкати-мэргэн» и др., изданные даурским исследователем

Мэн Чжидунем в работе «Daуur agad-un aman üliger» («Устные народные сказки дауров»); рукопись анонимного автора под названием «Шапка-гора» («Амурская легенда»), хранящаяся в Амурском областном краеведческом музее имени Г.С. Новикова-Даурского¹. В работе использованы также материалы из бурятского народного героического эпоса «Гэсэр», «Сокровенного сказания монголов». Привлечены и полевые материалы автора, добытые в ходе экспедиции во Внутреннюю Монголию в июле–августе 2005 г. Автор в основном проводит сравнительно-сопоставительный анализ схожих сюжетов в даурских богатырских сказках и фольклоре якутов, бурят и монголов. Анализирует также и этнографические материалы по традиционным играм дауров и якутов, шаманским божествам дауров, монголов и эвенков. Применен в работе также и текстологический анализ архивной рукописи. В частности, установлена анонимность источника; слово «тойон» определено как якутский термин; выявлен в тексте сюжет, восходящий одновременно к даурскому и якутскому фольклору.

III. Результаты.

Фольклор как отражение этнокультурных контактов дауров с другими народами

1. Краткая характеристика этнокультурного взаимодействия дауров с китайцами и маньчжурами

Необходимо отметить сильное китайское влияние на современных дауров. Оно началось с китайской колонизации даурских районов в начале XX в. По данным исследовательницы из Гонконгского университета Л. Ким, владение китайским языком является основным способом общения современных дауров. И развитое двуязычие, и многоязычие дауров в китаецентричном обществе так или иначе начинает влиять и на их этническую идентичность [Kim, 2021: 72–73]. С другой стороны, необходимо помнить, что дауры, начиная со второй половины XVII в. и вплоть до начала XX в., находились под тотальным влиянием маньчжуров – основателей Цинской династии в Китае. Влияние было настолько сильным, что дауров именовали «ичэ маньчжа» или «вторые маньчжуры». Взаимодействие дауров с маньчжурами и китайцами было настолько широким, что фак-

¹АОКМ. Ф. 956. Оп. 1. Д. 78. Л. 101–102.

тически охватывало все сферы жизнедеятельности, духовную и материальную культуру, включая традиционную обрядность и язык. Этнокультурные контакты прослеживаются и на фольклорном материале, в частности, дауры восприняли известное маньчжурское «Предание о Нишанской шаманке», существует даурский вариант этого предания. Венгерский исследователь Д. Сомфай Кара считает, что данное предание отражает шаманскую традицию, своими корнями уходящую в Приамурье, частью которой были дауры. Помимо них, ее ареал охватывал солонов, ороحوнов, нанайцев, ульчей. «Предание о Нишанской шаманке» является важной частью этой шаманской традиции и наглядно свидетельствует о ритуальной практике т.н. шаманских путешествий, известных как «долбор». Подобная практика ныне утеряна в шаманских практиках дауров, однако аналогии можно наблюдать у тюркских народов Саяно-Алтая (алтайцев-теленгитов, хакасов, тувинцев, тофаларов) [Somfai Kara, 2021: 217, 233-234].

Об этнокультурном взаимодействии дауров с этническими китайцами (ханьцами) можно судить по широко распространенному у дауров культу женского божества «нян-нян-баркан», а также культу предков даурского рода мэрдэн под названием «Мэрдэн Этуо» [Humphrey, 1996: 289; Цыбенков, 2012: 149–150, 165]. В целом необходимо отметить, что нами начато изучение маньчжурского и китайского влияния на дауров, материалы опубликованы в 2020 г. в журнале «Вестник Бурятского научного центра СО РАН».

Этнокультурное взаимодействие дауров с китайцами и маньчжурами, несомненно, сыграло важную роль в появлении языковых и культурных особенностей дауров, существенно отграничивающих их от собственно монгольских народов [Цыбенков, 2020: 46]. С другой стороны, дауры, очевидно, имели контакты не только с южными соседями, но и с народами, населяющими Северную Евразию.

2. Фольклорные и этнографические материалы о вероятности даурско-якутского этнокультурного взаимодействия

О вероятности дауро-якутских контактов писали и пишут якутские исследователи Р.И. Бра-

вина, В.В. Ушницкий (безвременно ушедший из жизни летом 2021 г.). Связь даурского рода алдан с одноименной рекой на территории Республики Саха (Якутия) отмечена и в наших исследованиях. Особенностью рода алдан является его удаленность от бассейна Амура и Зеи, где компактно проживали дауры. Маленькая группа дауров была зафиксирована русскими в 30-х гг. XVII в. на Алдане, в районе устья его притока – р. Амги [Долгих, 1958: 128]. Об этом писал советский этнограф Б.О. Долгих. На р. Алдан дауры ушли из бассейна р. Зея, вероятно, по тому же пути, по которому позже в Приамурье из Якутска прошел отряд Василия Даниловича Пояркова, а впоследствии и якутские купцы. По нашему предположению, появление рода алдан может быть связано с проникновением на территорию Якутии даурских звероловов-промышленников, которые в поисках соболей и другой пушнины, являвшейся меновым товаром в их торговых контактах с маньчжурами и китайцами, проникали далеко на северо-запад. Учитывая особую близость дауров и эвенков, можно полагать, что дауры могли проникнуть в бассейн Алдана благодаря своим контактам с эвенками. В настоящее время род алдан упоминается в составе даурских родов. Но автору данной статьи ни разу не удалось встретиться с представителем этого рода. Начиная с 2004 г., мы совершили несколько экспедиций в районы проживания дауров, но род алдан (или ардан, как его еще называют) так и не был зафиксирован. Хотя один информант указал, что они проживают в провинции Хэйлунцзян и их около 700 чел., т.е. не так многочисленны.

Изучение даурско-якутских контактов можно дополнить фольклорными материалами. В 2005 г. в Амурском областном краеведческом музее имени Г.С. Новикова-Даурского нами была обнаружена рукопись анонимного автора под названием «Шапка-гора» («Амурская легенда»). В ней в стихотворной форме говорилось о происхождении кургана Шапка, проводилось сравнение даурского князя с орлом, а его детей с орлятами¹. Дауры почитают орла, считают его спасителем народа. Регион компактного проживания дауров – Морин-Дава – именуется «родиной орлов». По преданию, в

¹АОКМ. Ф. 956. Оп. 1. Д. 78. Л. 101-102.

давние времена, когда численность дауров сократилась до нескольких человек, прилетел орел и закрыл их своими крыльями, и тем самым спас их. С тех пор дауры почитают орла¹ [Болотов, 2012: 18]. Огромный тотемный столб высотой 13 метров с фигурой позолоченного орла наверху воздвигнут рядом с даурским национальным музеем в даурском автономном хошуне Морин-Дава Хулун-Буирского аймака Внутренней Монголии. Почитание орла, как известно, характерно и для якутов. Верховные божества якутов Юрюнг Айыы тойон и Хомпоруун Хотой Айыы (Сюнг Хаан) воплощаются в образах орлов.

В рукописи «Шапка-гора» даурский правитель назван тойоном², что нехарактерно для даурского языка. Слово «тойон», безусловно, является давним устойчивым термином в якутском языке. Таким образом, в амурской легенде под названием «Шапка-гора» анонимный автор объединил даурские и якутские мотивы. Можно предположить, что автором мог быть человек, ранее проживавший на территории Якутии, затем перебравшийся в Приамурье. Так или иначе, наличие подобной легенды дает нам пищу для дальнейших размышлений. Они подкрепляются следующими фактами, приводимыми якутской исследовательницей Р.И. Бравиной: во-первых, относительной территориальной близостью земель дауров и якутов – Амыр (Амурский край), находящийся за территорией Усть-Майского района, был известен якутам; во-вторых, наличием у них «догур хамса» (даурской курительной трубки); в-третьих, случаями бегства якутов Алдано-Ленского междуречья «на Дауры» и «в Китайскую сторону» [Бравина, 2018: 125–127]. В то же время В.В. Ушницкий указывал на возможность межэтнических контактов якутских родов с даурами и старыми баргутами – одной из монгольских групп в XIV–XVII вв. [Ушницкий, 2015: 40–41]. Как показывают их исследования, монгольские роды могли заселять земли центральных, вилюйских и северных районов Якутии [Бравина, 2017: 49–54]. В целом вопрос появления в Якутии монгольских и даур-

ских родов и их вероятной интеграции в якутское общество остается сложной проблемой этнической истории якутского народа.

В заключение нашего изучения вероятных даурско-якутских контактов можно привести аналогии из традиционных игр этих народов. Так, к традиционным играм дауров относится игра «перетягивание палки» (*мод татбэй*). Немного об игре: в ней принимали участие все, включая стариков и детей. Палка, используемая в игре, была ровной, ее длина составляла два локтя. Два соревнующихся садились друг против друга на ровной земле, упираясь ступнями, и крепко держали обеими руками палку в горизонтальном положении. По сигналу заранее выбранного судьи они начинали тянуть, выигрывал тот, кто поднимал соперника.

В 2013 г., когда мы ездили к даурам в городской округ Хулун-Буир АРВМ КНР вместе с якутским этнографом В.В. Ушницким, он был удивлен тем, что эта игра есть у дауров. Позже он отмечал, что нужно организовать в Якутске международный турнир по мас-рестлингу с привлечением спортсменов из числа дауров.

Похожим на игру в перетягивание палки являлось состязание *хужуу мэлжбэй*, где участники так же сидели друг против друга, упираясь ногами, положив руки на ноги. Кушак со специальной ленточкой-отметкой, связанный в кольцо, набрасывали на шеи игроков. По сигналу соревнующиеся начинали тянуть, проигрывал тот, кого поднимали с земли или у кого сгибались ноги в коленях. Проигравшим считался также игрок, который, не удержав равновесия, падал в сторону.

Конечно, на основании этих игр нельзя судить о родстве дауров и якутов, но тем не менее, их наличие вкупе с фольклорными и другими материалами дает пищу для размышлений. На наш взгляд, большую роль в качестве посредников между даурами и якутами сыграли эвенки, у которых также сохраняются аналогичные игры. Вероятно, именно с их помощью часть дауров смогла достичь р. Алдан и, по всей видимости, могла вступать в контакты с якутским населением.

¹Полевые материалы автора (ПМА). Экспедиция во Внутреннюю Монголию в июле-августе 2005 г. Информатор И Сун, 1960 г.р., род олон, патронимическая группа кайкоо, г. Хух-Хот АРВМ КНР.

²АОКМ. Ф. 956. Оп. 1. Д. 78. Л. 101.

3. Об этнокультурных контактах между даурами, монголами и эвенками (по фольклорным данным)

Дауры, как известно, относятся к монголоязычным народам, чем, к примеру, отличаются от бурят и калмыков, входящих в состав монгольских народов. Им неизвестен культ Чингисхана и чингизидов. В то же время в даурском фольклоре имеют место сюжеты, похожие на описание трудного детства Тэмучжина (будущего Чингисхана). Например, в даурской сказке «Апкати Мэргэн» герой вырастает с матерью в лесу и питается в детстве одними дикими травами и грибами. Похожий сюжет, связанный с растительной пищей и острой нуждой, имеет место и в «Сокровенном сказании монголов», когда «Оэлун-эхэ бегала по Онон-реке и вниз и вверх, по зернышку собирала с диких яблонь и с черемухи... копала коренья судуна и кичигина и кормила... черемухой да луком вскормленные дети доросли до ханского достоинства... корнями растений вскормленные дети стали и справедливыми, и мудрыми» [Сокровенное, 1990: 24]. Апкати Мэргэн уже в три года начал один играть в лесу, в пять–шесть лет помогал матери – приносил воду, умел зажечь огонь в очаге; взяв лук и стрелы, сделанные матерью, не боясь волка и барса, отправлялся на охоту на птиц и возвращался домой, настреляв полный подол жаворонков. В десять лет уже стрелял «в летящих в небе гусей и бегущих по земле зайцев» [Даур, 1983]. Темучжин в детстве также стрелял в жаворонков, ловил рыбу удочками и сетью-неводом [Сокровенное, 1990: 24]. Несмотря на сходство фольклорных сюжетов, дауры и монголы, очевидно, уже тогда, в XII–XIII вв. были разными народами. В то же время основа языка и культуры дауров оставалась общемонгольской. Существует одна легенда, по которой дауры, входившие в состав лесных народов Приамурья, не подчинились Чингисхану. Добравшись со своим войском до р. Амур, он сказал: «Tedeneg dalun-dayan nūke-tei dayur mün üü? Tedener morin-dayan kečegü, qarbuju namnaqu-dayan mergen tula jebseg-yier darungyuyilaju bolqu ügei, qarın uran üge-ber oroγulun abču biden-dü küčü ergügülekü keregtei» (Действительно ли они – дауры – с дырами в лопатках? (иносказ. имеется в виду чуткость, осторожность дауров. Возможен и другой перевод: дауры, скрывающие яму,

т.е. яму-ловушку. – Б.Ц.). Поскольку они хорошие всадники, метко стреляют и преследуют, нельзя их покорять силою оружия, нужно их привлечь к себе искусной речью) [Morindabaγa, 1988: 19; Цыбенков, 2012: 22]. Здесь мы видим противопоставление дауров монголам. Однако так было не всегда. В период национально-освободительного движения монголов в первой четверти XX в. даурские деятели Мэрсэ, Алтангат и др. пытались создать новый этноним «дагур-монгол» (или «даур-монгол»), указывающий, по их мнению, на близость дауров к монгольскому миру. В тот период были распространены песни, в которых использовался термин «дагур-монгол». Как отмечает западная исследовательница С. Зиехаус, дауры Внутренней Монголии продолжали считать себя «даур-монголами» в 1954 г., когда в КНР был запущен проект этнической классификации населения. Использование этого термина в некоторой степени вносило путаницу в определение собственно монголов как отдельной нации, но в то же время подчеркивало активное участие дауров в общественно-политической жизни монгольского мира; указывало на наличие широких социокультурных взаимосвязей между монгольскими группами, проживающими в разных странах. С другой стороны, дефис, поставленный между двумя этнонимами, свидетельствовал о двойной идентичности дауров. По результатам второй национальной переписи в 1964 г. национальность «даур» стала официальной категорией в КНР [Ziehaus, 2021: 136–137].

Монгольским по своему происхождению считалось даурское божество Джияч-баркан (даур. яз. «судьба», «удача»). Некоторые дауры Хулун-Буира называли его Джун, а айгунские дауры именовали его Нуо-баркан (Божество в углу), поскольку его изображение обычно висело в северо-западном углу дома. Это божество являлось покровителем домашнего скота и даровало богатство и благоденствие как людям, так и животным. Оно почиталось всеми даурскими родами [Цыбенков, 2012: 169]. Примечательно, что, согласно легенде, божество скотоводства передали даурам монголы. Можно предположить, что она отражает ситуацию, сложившуюся еще в период Средневековья. Дауры считаются древним земледельческим народом, о чем отчетливо свидетельствует их развитая

терминология. С другой стороны, скотоводческие термины у них развиты слабо, например, верблюжонок на даурском языке звучит как «тэ-вээ кэку» (досл. детеныш верблюда), в отличие от тюрко-монгольского ботго (бото). Слабое развитие скотоводческой лексики у дауров компенсируется богатой и широко разветвленной охотничьей и рыболовецкой терминологией. Большой частью она восходит к тунгусо-маньчжурским языкам и указывает на тесные этнокультурные связи между эвенками и даурами. В одной из легенд айгунских дауров говорится, что в далеком прошлом дауры, эвенки-орочоны и монголы в течение долгого периода времени были соседями и уживались вместе подобно братьям. Позже они разделились и обменивались божествами (*баркан*) в знак дружбы. Эвенки-орочоны передали даурам Малубаркана, а монголы – Нуобаркана. Дауры, в свою очередь, передали Нуобаркана эвенкам-орочонам [Stuart, 1994; Цыбенков, 2012: 150–151]. По данным западных исследователей, дауры, монголы (баргуты, олеты), эвенки (солоны, орочоны), проживавшие в Хулун-Буире, вступали в межэтнические браки. Этому способствовала и их самоидентификация как членов солонского ответвления восьмизнаменной маньчжурской организации, подкрепляемая употреблением маньчжурского языка как общего средства коммуникации [Atwood, 2004: 6; Wallenböck, 2021: 13]. Даурско-эвенкийское взаимодействие, вероятно, имело место и на российской территории. Как указывает бурятский этнограф Б.З. Нанзатов, эвенкийское население Восточного Забайкалья включало в свой состав и потомков дауров [Нанзатов, 2006: 135, 145–146]. Эти сведения согласуются с данными С. Зиехаус, отмечающей, что в работах российских ученых-путешественников дауры часто упоминаются по названиями «солон», «тунгус» и «новые маньчжуры», т.е. дауров включают в состав других взаимосвязанных с ними этносов. Термин «солон» являлся своего рода собирательным термином для различных групп дауров, эвенков и также нанайцев до 1950 г. [Ziehaus, 2021: 129]. Известно, что в состав солон входили два, очевидно, орочонских рода, именовавшиеся орончен (*ɔrɔntʃɛŋ*) и орончен хаахар (*ɔrɔntʃɛŋ haahar*) [Певнов, 2020: 747].

Между даурами и эвенками Хулун-Буира существовали давние этнокультурные связи, со-

храняющиеся и по сей день. Дауры и эвенки, проживающие в даурском автономном хошуне Морин-Дава, вместе проводят традиционные обряды почитания местных божеств. Так, в середине XX в. на горе Нирги рядом с р. Нонни (даур. яз. «Наун») дауры и эвенки местности Бутха совершили обряд почитания «обо» (культ хозяев местности) и принесли в жертву одну корову, одну овцу, 45 бутылок бутхаской водки, сладости. Багачи (исполнитель обрядов) 80-летний Аола Сючан совершил традиционный обряд обращения к божествам, в котором приняли участие 8 дауров и 1 эвенк. Обряд начинался со слов: «Эвээ Тэнгэр баркан, Ачаа Тэнгэр баркан, Обоо Эндур-баркан, пожалуйста, внимательно выслушайте! В этот день мы, дауры и эвенки местности Бутха, возжигаем курительные палочки, принося в жертву корову, почитаем вас» [Dawuer, 2002: 1162].

4. О русских казаках-первопроходцах в даурском фольклоре

Первые контакты дауров с русскими первопроходцами, состоявшиеся в середине XVII в., за некоторыми исключениями, были не самыми приятными. Борьба дауров с отрядами В.Д. Пояркова и Е.П. Хабарова, прибывшими на Амур из Якутска, завершилась большими людскими потерями, сожжением даурских городков и последующим переселением даурского населения с территории Приамурья в долину р. Нонни, в Северо-Западную Маньчжурию. В даурском фольклоре встречается упоминание особых демонов – мангусов, называемых «елдэнгэр». По всей видимости, они являются мифологическим отражением русских первопроходцев. Например, в даурской богатырской сказке «Ангармэргэн» говорится о пришествии в даурские земли девятиголовых «елдэнгэр» с далекой западной стороны. У них были кудрявые красные волосы, стоящие дыбом, большой нос, три глубоко посаженных синих глаза, подобных волчьим глазам, начиная от шеи и ушей до рук-ног росли длинные желтые волосы. Они вырвали сердца у двух даурских охотников и съели [Dawur, 1983: 11-16]. Эти фольклорные материалы согласуются с данными похода В.Д. Пояркова 1643 г., когда в период длительной осады на р. Зее наблюдались случаи каннибализма среди казаков. И приамурские народы, называя их «погаными людоедами», не подпускали к бере-

гам рек [Артемьев, 1998: 15–16]. Несмотря на то, что первые контакты дауров и русских ознаменовались противоборством, в последующем дауро-русское взаимодействие стало дружественным и мирным. Многие дауры, испытав разные невзгоды в Цинском государстве, стремились уйти в российские пределы.

5. Дауро-бурятские фольклорные параллели

Они прослеживаются в даурском предании о Саджигалди-хане и бурятском эпосе «Гэсэр». Слово «саджига» на даурском языке означает «сорока». Похожее имя «хан Шаазгай Баян», где «шаазгай» – сорока, встречается в бурятском героическом эпосе «Гэсэр», разные варианты которого записаны в Приангарье, у берегов Байкала от сказителей-улигершинов. Впервые имя хана Шаазгай Баяна упоминается во время встречи сопляка Нюргая (будущего Гэсэра) с Алтан Шагай мэргэном, который говорит, что собирается ехать к хану Шаазгай Баяну сосватать его дочь Урмай Гоохон [Гэсэр, 1986: 133]. Далее из других моментов, где упоминается имя хана Шаазгай Баяна, можно отметить краткое описание его дворца, лицемерие Нюргая, проводы дочери в дорогу [Гэсэр, 1986: 135, 142]. На наш взгляд, кроме схожести имен Саджигалди-хан и хан Шаазгай Баян, в текстах легенды и эпоса более не обнаруживается сходных моментов. Поэтому возникает вопрос: связаны ли имена ханов между собой или можно вести речь о простом совпадении личных имен? Мы склоняемся к совпадению имен, однако разрешить проблему поможет лишь дальнейшее сравнительное изучение фольклора монгольских и монголоязычных народов.

IV. Обсуждение. Большое культурное влияние на дауров оказали маньчжуры и китайцы, о чем свидетельствуют многие заимствования в духовной и материальной культуре народа. Имеются фольклорные заимствования (даурский вариант «Предания о Нишанской шаманке») и этнографические свидетельства (культ предков в роде мэрдэн под названием Мэрдэн Этуо). Помимо контактов с южными соседями дауры могли вступать во взаимодействие и с народами, живущими к северу от них. На это косвенно указывает архивная рукопись из Приамурья под названием «Шапка-гора» («Амурская легенда»), объединяющая даурские и якутские мотивы. Почитание орла даурами и якутами, на-

личие у якутов даурской курительной трубки «догур хамса» вкупе с одинаковыми традиционными играми дают основание для предположения о былых якутско-даурских контактах. Оно подкрепляется фактами проживания даурского рода алдан в бассейне одноименной реки в первой трети XVII в., случаями бегства якутов в «Дауры» и «Китайскую сторону».

Контакты дауров с эвенками и монголами, имеющие реальную историческую основу, более ясно очерчены в фольклорных материалах. Согласно одной из легенд, дауры, эвенки и монголы, будучи соседями, уживались вместе подобно братьям и обменивались божествами в знак дружбы. Примечательно, что монголы передали даурами божество – покровителя домашнего скота. Из этого можно сделать предварительный вывод о более позднем появлении скотоводства у дауров и их принадлежности к «лесным народам». Схожие сюжеты о трудном детстве главных героев, имеющие место в «Сокровенном сказании монголов» и даурской богатыйской сказке «Апкати-мэргэн», возможно, связаны. Можно предположить, что в «Апкати-мэргэн», появившемся позже, нашли отражение сюжеты из средневекового монгольского источника.

В даурском фольклоре сохранились сведения о первых контактах дауров с русскими казаками-первопроходцами, ознаменовавшихся ожесточенными сражениями. Демонизация русских в фольклоре дауров имела под собой реальную основу, связанную с осадой отряда В.Д. Пояркова на р. Зея зимой 1643–1644 гг.

Схожесть имен даурского Саджигалди-хан и бурятского хана Шаазгай Баяна в фольклоре бурят и дауров в некоторой степени указывает на вероятность контактов. Она подкрепляется и другими фольклорными параллелями (наличием мифологического мотива женитьбы героя на небесной девице-лебеди, сказка о мальчике с золотой грудью и серебряной спиной и др.), лингвистическими и этнографическими материалами.

V. Заключение. Таким образом, можно констатировать, что даурский фольклор в мифологизированном виде сохранил многие моменты из истории этнокультурных контактов дауров как с соседними этносами, так и с народами, проживавшими на более отдаленных территориях.

Список литературы:

Артемьев А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 6–43.

Бравина Р.И. «Путь Омогоя»: якутские этнонимы монгольского происхождения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 48–58.

Бравина Р.И. Хоролоры и приамурский пласт в этнокультурогенезе якутов // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 121–130.

Гэсэр. Бурятский народный героический эпос [Науч. ред. С. Чагдуров, пер. В. Солоухин]. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1986. 288 с.

Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 125–142.

Нанзатов Б.З. Особенности формирования полиэтнической этнотерриториальной группы на примере Урульгинской степной думы (феномен взаимодействия дагуров, монголов, эвенков и бурят) // Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности. Сборник статей. Т. I. Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. С. 134–146.

Певнов А.М. О происхождении самоназваний эвенков // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. Pp. 744–755.

Сокровенное сказание монголов [Пер. Ч.Р. Намжилова, С.А. Козина]. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1990. 318 с.

Ушницкий В.В. Экспедиция во Внутреннюю Монголию 2013 г. // Научные исследования: от теории к практике. 2015. № 3 (4). С. 40–41.

Цыбенков Б.Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с.

Цыбенков Б.Д. К изучению маньчжурского и китайского влияния на культуру дауров // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2020. № 3 (39). С. 39–48.

Atwood C.P. State Service, Lineage and Locality in Hulun Buir. *East Asian History*. № 30. December 2005. Pp. 5–22.

Humphrey C, Onon U. Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols. Oxford: Clarendon press, 1996. 396 p.

Kim L.E. Remembered by the More Than One Name: Transcription, Multiscription, and Ethnic Heri-

tage in the Case of the Dedule Clan Genealogy. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 47–84.

Somfai Kara D. The Daur Version of Nisan Saman and Modern Shamanic Practices among the Daur. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 217–252.

Stuart K., Li Xuwei and Shelear. China's Daur Minority: Society, Shamanism, and Folklore. *Sino-Platonic Papers*. Number 60. December, 1994. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994. 208 p.

Wallenböck U, Zikmundova V. The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 1–46.

Ziehaus St. Ethnicity in the Imperial Context: The Daur in the Borderland of the Qing and Russian Empire. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 113–149.

Dayur arad-un aman üliġer. Ed. Men Zhidun. Kūkeqota: Öbür Mongyol-un mongyol biġig keblekü üyiledbüri keblebe, 1983. 468 c.

Dawuer ziliao ji. Di sanji. Daor bitegei horiewu debtlien. Dawoer ziliao ji bianji weiyuanhui yu; Quanguo shaoshu minzu guji zhengli yanjiu shi. Beijing: minzu chubanshe, 2002. 1180 c.

Morindabayа dayur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qošiŷun-u toyimu bayidal. Nayirayulun biġikü duŷuyilang nayirayulba. Jamsu, Bürinsayin orġiyulba. Erdenijab orġiyulŷa-yi qinaba. Kūkeqota: Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1988. 269 c.

References:

Artem'ev A.R. Otkrytie i nachalo prisoedineniya Zabaykal'ya i Priamur'ya k Rossiyskomu gosudarstvu v seredine XVII v. [Discovery and beginning of the annexation of Transbaikalia and the Amur region to the Russian state in the middle of the 17th century]. *Russkie pervoprophodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII-XIX vv. (istoriko-arkheologicheskie issledovaniya)* [Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries. (Historical and archaeological research)]. Volume 3. Vladivostok, 1998. Pp. 6–43. (In Russian)

Atwood C.P. State Service, Lineage and Locality in Hulun Buir. *East Asian History*. Volume 30. December 2005. Pp. 5–22. (In English)

Bravina R.I. “Put' Omogoya”: yakutskie etnonimy mongol'skogo proiskhozhdeniya [“Omogoy's Way”: Yakut ethnonyms of Mongolian origin]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2017. Volume 4 (21). Pp. 48–58. (In Russian)

Bravina R.I. Khorolory i priamurskiy plast v etnokul'turogeneze yakutov [Khorolors and the Amur stratum in the ethnocultural genesis of the Yakuts]. *Iz-*

- vestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2018. Volume. 14. Volume 2. Pp. 121–130. (In Russian)
- Dayur arad-un aman üliger* [Oral folk tales of the Daur]. Edit by Men Zhidun. Mongolian Writing Publ. of Inner Mongolia, 1983. 468 p. (In Mongolian)
- Dawuer ziliao ji. Di sanji. Daor bitegei horiewu debtlien* [Study of the Daurian people. Volume 3] / Dawoer ziliao ji bianji weiyuanhui yu; Quanguo shaoshu minzu guji zhengli yanjiu shi. Beijing: People's Publ., 2002. 6. 1180 p. (In Chinese)
- Dolgikh B.O. Etnicheskiy sostav i rasselenie narodov Amura v XVII v. po russkim istochnikam [Ethnic composition and settlement of the Amur peoples in the 17th century according to Russian sources]. *Sbornik statey po istorii Dal'nego Vostoka* [Collection of articles on the history of the Far East]. Moscow, 1958. Pp. 125-142. (In Russian)
- Geser. Buryatskiy narodnyy geroicheskiy epos. Redaktor S. Chagdurov, perevod V. Soloukhin* [Geser. Buryat folk heroic epic. Edit by S. Chagdurov, Translation by V. Soloukhin]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1986. 288 p. (In Russian)
- Humphrey C., Onon U. *Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols*. Oxford: Clarendon press, 1996. 396 p. (In English)
- Kim L.E. Remembered by the More Than One Name: Transcription, Multiscription, and Ethnic Heritage in the Case of the Dedule Clan Genealogy. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Vol. 20. Pp. 47-84. (In English)
- Morindabaya dayur ündüsüiten-ü öbürtegen jasaqu goşiyun-u toyimu bayidal* [Survey of the Daurian Autonomous Region Morin-Dawa]. Nayirayulun biçikü duryuyilang nayirayulba. Jamsu, Bürinsayin orçiyulba. Erdenijab orçiyulya-yi qinaba. Huh-Hot: Inner Mongolia People's Publ., 1988. 269 p. (In Mongolian)
- Nanzatov B.Z. Osobennosti formirovaniya polietnicheskoy etnoterritorial'noy gruppy na primere Urul'ginskoy stepnoy dumy (fenomen vzaimodeystviya dagurov, mongolov, evenkov i buryat) [Features of the formation of a polyethnic ethno-territorial group on the example of the Urulga Steppe Duma (the phenomenon of interaction between Dagurs, Mongols, Evenks and Buryats)]. *Buryaty v kontekste sovremennykh etnokul'turnykh i etnosotsial'nykh protsessov. Traditsionnaya kul'tura, narodnoe iskusstvo i natsional'nye vidy sporta buryat v usloviyakh polietnichnosti. Sbornik statei* [Buryats in the context of modern ethnocul-
- tural and ethnosocial processes. Traditional culture, folk art and national sports of the Buryats in a multiethnic environment. Digest of articles]. Volume I. Ulan-Ude: IPK FGOU VPO VSGAKI, 2006. Pp. 134-146. (In Russian)
- Pevnov A.M. O proiskhozhdenii samonazvaniy evenkov [About the origin of the self-names of the Evenks]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Volume 16.3. Pp. 744–755. (In Russian)
- Sokrovennoe skazanie mongolov. Perevod Ch.R. Namzhilova, S.A. Kozina* [The secret history of the Mongols]. Ulan-Ude, 1990. 318 p. (In Russian)
- Somfai Kara D. The Daur Version of Nisan Saman and Modern Shamanic Practices among the Daur. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Volume 20. Pp. 217-252. (In English)
- Stuart K., Li Xuwei and Shelear. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore. *Sino-Platonic Papers*. Number 60. December, 1994. Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994. 208 p. (In English)
- Tsybenov B.D. *Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Daur of China. Historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude: Publ. of the East Siberian State University of Technology and Management, 2012. 252 p. (In Russian)
- Tsybenov B.D. K izucheniyu man'chzhurskogo i kitayskogo vliyaniya na kul'turu daurov [To the study of the Manchu and Chinese influence on the culture of the Daur]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2020. Volume 3(39). Pp. 39-48. (In Russian)
- Ushnitskiy V.V. Ekspeditsiya vo Vnutrennyuyu Mongoliyu 2013 g. [Expedition to Inner Mongolia 2013]. *Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike* [Research: from theory to practice]. 2015. Volume 3 (4). Pp. 40-41. (In Russian)
- Wallenböck U, Zikmundova V. The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Volume 20. Pp. 1-46. (In English)
- Ziehaus St. Ethnicity in the Imperial Context: The Daur in the Borderland of the Qing and Russian Empire. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. № I. Volume 20. Pp. 113-149. (In English)

B.D. Tsybenov

Ethno-Cultural Interaction of the Daurians with Other Peoples (Folklore and Ethnography)

Scientific novelty. The article studied the little-studied issues of the ethno-cultural interaction of the Daurians with the aboriginal and alien population of the Amur region and adjacent territories. *The aim* of the article is a comparative and comparative study of folklore and ethnological data, directly or indirectly indicating the past contacts of the Daurians with neighboring and distant peoples. The author set the following *tasks* to achieve the goal: 1) to study folklore and ethnological materials that complement the hypothesis of interethnic contacts between the Yakuts and Daurians; 2) to identify similar subjects in the “Secret History of the Mongols” and Daurian folklore, to analyze folklore and ethnographic data indicating the connection between the Daurians and Mongols; 3) to trace the ethno-cultural contacts of the Daurians and Evenks using folklore and other materials; 4) to reveal and study information about the Russian Cossacks-pioneers, preserved in a mythologized form in Daurian folklore; 5) to trace Daurian-Buryat folklore parallels, indirectly indicating possible contacts between peoples. *Research methods.* The legends, traditions and tales of the Daurians and other peoples, as well as archival data were used as the research material. The article uses comparative, textual, analytical research methods. *Results.* The manuscript of an anonymous author called “Hat-Mountain” (Amur legend) unites Yakut and Daurian ethno-genetic plots and common terms into a single whole and indirectly confirms the likelihood of ethno-cultural contacts between peoples. Folklore and ethnological materials confirmed ethno-cultural contacts between Daurians, Mongols and Evenks. The demonization of the Russian Cossack pioneers in Daurian folklore is associated with the armed Daurian-Russian confrontation in the Amur region in the middle of the 17th century.

Keywords: Daurians, folklore, ethno-cultural interaction, Yakuts, Mongols, Evenks, Russians, Buryats

